
ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н.Н. Марчук, А.С. Никонов

Кафедра судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья раскрывает специфику формирования ряда ключевых конституционно-правовых институтов Латинской Америки, а также особенности «социального уклона» в конституционном законодательстве данного региона.

Ключевые слова: этатизм, неолиберализм, экономические и социальные права.

Страны Латинской Америки, долгое время находившиеся в колониальной зависимости от Испании и Португалии, официально стали независимыми еще в XIX в., что отразилось на становлении и развитии их государственно-правовых институтов.

Сам факт длительного исторического развития как юридически независимых государств отличает страны Латинской Америки от афро-азиатских стран, получивших независимость только после Второй мировой войны и вынужденных решать такие вопросы государственного строительства, которые в Латинской Америке были решены уже достаточно давно (в частности, построение системы государственных органов, образование политических партий, принципы построения конституций и т.д.).

Конституционное право стран Латинской Америки испытывало существенное влияние со стороны США и бывших метрополий. По словам известного латиноамериканского правоведа М. Каплана, институционализация латиноамериканских государств «проходила через принятие конституций и изменения и санкционирование кодексов и законов, касающихся принципиальных вопросов экономической и социальной жизни: все в соответствии с моделями, заимствованными в Европе и Соединенных Штатах» [15].

В частности, еще в начале прошлого века в обмен на свое согласие предоставить независимость Кубе США потребовали включить в кубинскую Конституцию 1901 г. так называемую «поправку Платта» (название эта поправка получила по имени сенатора, который ее предложил).

Согласно этой поправке Кубе запрещалось заключать договоры с другими странами или получать иностранные займы, если с точки зрения США они могли нанести ущерб экономике и независимости Кубы. Кроме того, поправка уза-

конила все нормативные акты оккупационных властей и права, которые согласно этим актам приобретали американские граждане. «Самое главное ущемление суверенитета новой республики заключалось в пункте, который официально закреплял право интервенции США на остров «для сохранения независимости Кубы и поддержания правительства, способного защитить жизнь, собственность и личную свободу» [13].

Тем не менее, следует отметить, что с течением времени прямое вмешательство со стороны бывших метрополий и США в законодательный процесс стран Латинской Америки постепенно ослабло. Однако развитие науки конституционного права в регионе Латинской Америки не могло не испытать существенного влияния американского и европейского права, которое впоследствии подверглось значительной коррекции в соответствии с традициями латиноамериканского общества.

Впрочем, процесс совмещения иностранного и собственного опыта, по мнению многих ученых, является наиболее оптимальным, особенно в условиях быстро развивающегося общества. Отечественный исследователь М.М. Ковалевский отмечал, что «если из области права вообще мы перейдем к более тесной области права государственного, к области политических учреждений, то... нам придется отметить с древнейших времен воздействие одних народов на другие. Можно даже сказать, что в этой области процесс заимствования выступает еще чаще, нежели в сфере гражданского быта. Это и понятно. Чтобы один народ заимствовал юридические порядки у другого, необходимо... чтобы и экономический уклад, установившийся у народа заимствующего, близко подходил к экономическому строю народа, законы которого делаются предметом подражания... Иное дело политический строй: хозяйственные формы не являются для него решающим моментом. Нередко обращаются к заимствованию чужеземной политической организации вне всякой зависимости от экономического развития народа. Этим и объясняется, почему в сфере политических порядков заимствования практиковались чаще, нежели в области гражданского права...» [2. С. 6].

Разумеется, наибольшее влияние на развитие конституционного права страны Латинской Америки испытали со стороны США, которые традиционно рассматривали южноамериканский континент как сферу исключительно своих интересов. В свою очередь, латиноамериканские государства заимствовали у США форму государственного устройства (федеративную) и форму правления (президентскую республику). Тем не менее, значительные заимствования были сделаны и из европейской науки конституционного права. Однако в большинстве случаев латиноамериканская система права стала своеобразным симбиозом англо-американской и континентальной моделей.

В частности, к романо-германской правовой семье следует отнести правовую систему Перу. «Первоначальной основой для формирования перуанской системы права выступала юрико-правовая культура бывшей метрополии (Испании). Вместе с тем конституционное право во многом следует модели Со-

единенных Штатов Америки, на генезис гражданского права значительное влияние оказало французское и германское законодательство» [2. С. 216].

Другим примером может послужить Венесуэла, воспринявшая в равной степени романо-германские и англосаксонские традиции. По своему государственному устройству Венесуэла — федерация, по форме правления — президентская республика. В целом же правовая система Венесуэлы относится к романо-германской правовой семье, входя в ее латиноамериканскую группу.

Первоначальной основой для формирования костариканского права выступила правовая культура бывшей метрополии — Испании. Конституционное право страны во многом следует модели США, на гражданское и уголовное право оказало значительное влияние французское, испанское и итальянское законодательство [6. С. 61–64].

Рассматривая правовую систему Бразилии, ряд исследователей также отмечает наличие в ней в равной степени элементов как англосаксонской, так и континентальной систем права. «Характеризуя специфику североамериканской и южноамериканских традиций (несмотря на безусловное наличие общих черт и идентичных механизмов), нельзя не согласиться с А. С. Автономовым, считающим, что правовая система Бразилии в целом тяготеет к континентальной (романо-германской) правовой системе, нежели к англосаксонской. Это связано с тем, что правовая система Бразилии корнями уходит в правовую систему Португалии, которая, естественно, относится к романо-германской. В Бразилии всегда с интересом относились к европейскому праву (не только португальскому, но и, например, германскому), заимствовали некоторые институты, приспособив их к португальским реалиям» [2. С. 216].

Особого внимания заслуживает децентрализованная система конституционного контроля, которая объединила в единое целое элементы судебного контроля англосаксонской и континентальной правовых традиций, а также некоторые особенности собственного исторического опыта. «Следуя тем тенденциям, которые все отчетливее проявляются в латиноамериканском конституционализме, не была проигнорирована практика защиты индивидуальных и коллективных прав, вошедшая в историю государства и права зарубежных стран под названием процедура, или суд ампаро, уходящая своими корнями в колониальный период» [2. С. 217].

Первой эту модель на латиноамериканском континенте внедрила Мексика в начале XX в. Она же стала и основоположницей института ампаро. Вслед за Мексикой эту практику переняли Аргентина и Колумбия.

Ампаро — это публично-правовой институт, в самых общих чертах напоминающий *habeas corpus* англосаксонской (англо-американской) правовой традиции. Вместе с тем в отличие от последних он не сводится к защите только свободы, как это предусматривает «хабеас корпус», а касается всех конституционных прав и свобод граждан. Ампаро представляет собой суд или процесс по рассмотрению иска частного лица, выставляемого перед юрисдикционными органами против любого акта властей, который наносит урон его правам и кото-

рый оно рассматривает как неконституционный, преследуя цель лишить его силы по мотивам незаконности.

С формально-юридической точки зрения судебный конституционный контроль, осуществляемый посредством процедуры ампаро, нельзя ассоциировать ни с американской, ни с европейской моделью конституционного правосудия, несмотря на тот факт, что, с одной стороны, защита индивидуальных или коллективных прав, нарушенных соответствующим нормативным актом либо действием (бездействием) должностного лица, реализуется через систему обычных судов (американская модель), с другой — в форме самостоятельного (отдельного, в частности, от гражданского и уголовного) процесса [2. С. 227] (континентальная модель).

Другим неотъемлемым атрибутом латиноамериканского конституционного права считаются патриархально-патерналистские традиции, которые сформировались в Латинской Америке в эпоху колониализма и гражданских войн XIX в. В дальнейшем такие традиции стали расцениваться рядом историков как характерная черта социально-политической жизни латиноамериканских республик. «Исходным их моментом является превалирование «вертикальных» социальных связей между «хозяином», «патроном», «вождем» и подчиненной ему массой, или «клиентелой», над «горизонтальными» классовыми и социальными связями. Суть таких «вертикальных» связей — в сплочении того или иного круга лиц вокруг сильной влиятельной личности в надежде выбиться наверх вслед за этой личностью на правах его ближайшей опоры в конкуренции с другими аналогичными «кланами»» [8. С. 14–15].

В результате, по оценкам историков, именно по этой причине в ходе многочисленных социально-политических столкновений в странах Латинской Америки народные массы объединялись не столько вокруг выдвигаемых политических и идеологических платформ, сколько вокруг лидеров, которые им казались яркими, харизматичными и волевыми лидерами, которые могли увлечь за собой, добиться победы и власти, а затем сверху обеспечить чаяния своих последователей.

Таким образом, на передний план выходили личные качества лидера, его умение уловить психологию, настроения масс и предстать перед ними «своим, близким им, воздействуя не столько на здравый рассудок, сколько на эмоции, чувства и подсознание. Именно сильные личности, создавшие единоличные системы правления, по мнению ряда историков, стали причиной многочисленных диктатур, которые имели место в Латинской Америке в XX в.» [1. С. 239–271].

В частности, печально прославились диктатура Херардо Мачадо на Кубе, длившаяся с 1925 по 1933 г., диктатура Карлоса Ибаньеса дель Кампо в Чили (1927–1931), диктатура Жетулио Варгаса в Бразилии (1930–1945), диктатура Фульхенсио Батисты на Кубе (1952–1961), военный режим в Бразилии (1964–1985), военное правительство Веласко Альварадо в Перу (1968–1975), военно-диктаторский режим Аугусто Пиночета в Чили (1973–1990) и др. [8. С. 14–15].

Сильные личности в Латинской Америке утверждали свою авторитарную власть в политических движениях, партиях, в государстве, часто опираясь на

собственную вооруженную силу и политическую клиентелу. Они претендовали на роль верховных «вождей» и «отцов» нации и народа.

Получилось так, что армия стала важнейшим фактором, прямо влияющим на конституционное развитие латиноамериканских стран. «Вмешательство армии в политическую жизнь латиноамериканских стран сотни раз ломало и деформировало конституционный строй этих государств на всем протяжении их формально независимого исторического развития» [4. С. 875].

В то же время, по оценкам историков, массы неграмотного или малограмотного населения не могли составить полноценно гражданское общество и социальную базу, которая бы была пригодна для представительной демократии. В результате диктаторские режимы скрывались под маской республик. В качестве иллюстрации можно привести диктатуру Х.В. Гомеса в Венесуэле (1909–1935).

В период правления венесуэльского диктатора идеологами режима была разработана концепция «демократического цезаризма» [8. С. 14–15]. Она обосновывала надклассовый и надпартийный «демократический» характер власти диктатора-«цезаря» как покровителя и благодетеля всего народа, выразителя его интересов в условиях, когда нация не готова к демократическому самоуправлению.

При этом в Латинской Америке сложилась традиция рассматривать армию в качестве единственного гаранта стабильности государственно-правовых институтов и эффективного средства разрешения социально-экономических конфликтов латиноамериканского общества, особенно в период острых политических кризисов, поскольку функционирующие демократические институты были неспособны решить возникающие проблемы.

По оценкам правоведов, такая концепция основывается на том, что конституционные органы власти не в состоянии обеспечить порядок и стабильность, поскольку они являются производными от политических партий и партийных фракций и, следовательно, отражают групповые, а не общенациональные интересы [1. С. 239–271].

Отсюда делается вывод, что только армия, свободная от фракционности, являющаяся национальным институтом, связанным к тому же единой дисциплиной, имеет право и обязана в критические моменты выступать на политической арене под лозунгом защиты всей нации и конституционного строя. «Концепция, рассматривающая армию как носителя национальных идеалов и выразителя общих интересов, связана непосредственно с латиноамериканской традицией милитаризма и каудильизма. И хотя система единоличных правителей — каудильо — отошла в прошлое вместе с откровенно милитаристскими режимами, она по-прежнему оказывает влияние на конституционный строй латиноамериканских государств» [4. С. 875]. Сегодня в ряде латиноамериканских конституций отведены специальные разделы, особо оговаривающие роль и значение армии в общественно-политической жизни страны.

В частности, в Конституции Венесуэлы этому специально посвящена гл. 3, где оговаривается, что «Национальные Вооруженные Силы представляют собой

важнейший профессиональный, неполитический институт, организованный государством для гарантий независимости и суверенитета нации и обеспечения целостности географического пространства путем военной защиты, сотрудничества в поддержании внутреннего порядка и активного участия в национальном развитии в соответствии с настоящей Конституцией и законом» [11. Art. 328]. При этом в Основном законе специально оговаривается, что «военнослужащие национальных Вооруженных Сил, находясь на службе, имеют право голоса в соответствии с законом, но им не разрешено занимать выборную должность или участвовать в агитационной политической деятельности, или проявлять политическую активность и приверженность к какой-либо партии» [11. Art. 328].

Глава 7 Конституции Колумбии, обозначая конституционный статус Вооруженных сил, отмечает, что последние «не могут собираться иначе, как по приказу законно действующих органов власти; направлять иные обращения, чем касающиеся вопросов, связанных с несением воинской службы и моральным состоянием военнослужащих, и только в соответствии с законом» [11. Art. 219]. При этом Основной закон Колумбии строго оговаривает, что «военнослужащие, находящиеся на действительной военной службе, не могут принимать участие в голосовании и деятельности политических партий или движений, в том числе в устраиваемых ими дебатах» [11. Art. 328].

Конституция Эквадора отмечает, что «Вооруженные силы должны быть лояльны и беспрекословны. Их руководство отвечает за приказы, которые отдает, но подчинение приказам вышестоящего начальства не освобождает от ответственности за нарушение прав, гарантированных Конституцией и законом» [14. Art. 185].

В то же время во многом благодаря патриархально-патерналистским традициям государствам Латинской Америки до сих пор свойственна ведущая роль президента и возглавляемого им правительства. «От того, какую политическую линию проводит тот или иной президент, во многом зависит позиция страны на международной арене, характер конституционного режима и степень реализации конституционных прав и свобод граждан. Динамика изменений президентской власти, сужение или расширение полномочий президента по сравнению с другими государственными органами, характер взаимоотношений президента с конгрессом, политическими партиями, судебной системой — все это оказывает прямое воздействие на политические и государственно-правовые процессы в латиноамериканских странах, на возможности расширения или существенного ограничения объема гражданских прав и свобод, реального действия конституции» [4. С. 889].

Исследователи отмечают, что, несмотря на то, что модель института президентства заимствована латиноамериканскими странами из США, форма президентской власти в самих государствах Латинской Америки кардинально отличается от первоначального образца.

В отличие от американской латиноамериканская модель, хотя и основана на разделении властей, на практике абсолютно лишена системы сдержек и про-

тивовесов, присущей США. Сильный институт президента в латиноамериканских конституциях часто характеризовался в юридической литературе как «чистый президентализм», «легальная диктатура» и пр.

В настоящее время чаще используется термин «суперпрезидентская республика», что отражает во многом как сущность, так и специфику президентской формы правления в странах Южной Америки, вместе с тем отличая ее от чисто диктаторской формы осуществления власти [1. С. 239–271].

«Суперпрезидентская» форма подразумевает не только конституционное закрепление обширных полномочий президента, но и их реальное осуществление на практике. Ряд латиноамериканских конституций уполномочивает президента «олицетворять нацию» или же провозглашает его «верховным главой нации». Такой конституционный статус уже сам собой подразумевает безусловное верховенство президента в системе высших органов государственной власти и управления [3. Т. 3].

Кроме того, все латиноамериканские конституции провозглашают президента главой государства. Он же возглавляет правительство и является верховным главнокомандующим вооруженными силами страны [3. Т. 3].

В условиях Латинской Америки эти признаки, присущие обычной президентской республике, создают мощную концентрацию власти в руках одного человека. Руководство президентом вооруженными силами в этом отношении играет очень важную роль, учитывая значение армии в истории стран Латинской Америки.

Другим фактором, значительно усиливающим полномочия президента в латиноамериканских государствах, являются его обширные чрезвычайные полномочия, которые могут быть эффективно использованы практически в любых критических ситуациях, начиная от межгосударственного вооруженного конфликта и кончая внутренними беспорядками. Причем диапазон использования президентом его чрезвычайных полномочий более широк, чем в обычной президентской республике, и применяется чаще и эффективнее, чем в других регионах.

В целом, современная наука конституционного права придерживается того, что «особенности этой («суперпрезидентской») формы отражают специфику государственной и политической жизни латиноамериканских стран, корни которой кроются в противоречиях латиноамериканского общества с его неустоявшейся социальной структурой, с его системой «персонификации» власти и государственного руководства, особой ролью армии в государственной и политической жизни, значительными позициями иностранного капитала в экономике, традиционно существенным влиянием США на всю государственно-политическую жизнь этого региона» [4. С. 889].

Тем не менее, ряд отечественных латиноамериканистов уже обращает внимание на некоторые положительные сдвиги в сторону деконцентрации обширных президентских полномочий, которые наметились в конституционном праве государств Латинской Америки.

В частности, нельзя не упомянуть постепенное усиление роли представительного органа за счет его контроля над деятельностью президента во внутренней и внешней политике, на которое указывает А.Г. Орлов, замечая, что «эта тенденция начинает особенно ярко проявляться в целом ряде латиноамериканских государств и выражаться в самых разнообразных формах, начиная с реального применения процедуры импичмента (досрочного отстранения от должности) и кончая увеличением законодательных актов, принятых вопреки воле главы государства» [6. С. 20–21]. Однако на данном этапе, по мнению г-на Орлова, перед возможностями представительного органа играть более активную роль в политической жизни страны все еще есть ряд препятствий, одним из которых является уже традиционно сложившаяся подчиненная роль парламента по отношению к исполнительной власти [6. С. 21].

Следует отметить, что применительно к Венесуэле сильная президентская власть выразилась в значительных полномочиях главы государства в социальной и экономической сфере, прежде всего благодаря п. 8 ст. 236 Конституции, разрешающей Президенту в «санкционированных действующим законодательством случаях» издавать декреты, имеющие силу закона. В результате нормативные правовые акты президента стали играть доминирующее значение в определении социальных и экономических прав человека. Прежде всего, это отразилось в ходе развития права человека на труд.

Также, по мнению ряда российских и зарубежных исследователей, непосредственное влияние на развитие конституционного права в странах Латинской Америки оказала неоднородность и неоформленность социальной структуры латиноамериканского общества. Континент представляет собой пеструю палитру социальных структур: от крупной буржуазии Аргентины, Бразилии, Мексики, Чили, Колумбии, Венесуэлы до земельных магнатов Гаити, Парагвая, Гондураса, от высокого процента промышленных рабочих в общем составе населения наиболее развитых стран до почти полного их отсутствия во многих слаборазвитых странах региона [4. С. 874].

Во многих странах от производства одного-двух экспортных продуктов зависела вся экономика, то есть хозяйство носило монокультурный характер.

Например, Аргентина превратилась в крупнейшего поставщика мяса и зерна на внешний рынок. Бразилия и Колумбия — кофе, Куба — сахара, Чили — меди и селитры, Боливия — олова, Уругвай — шерсти и мяса, республики Центральной Америки и Эквадор — тропических культур, Венесуэла — нефти.

В результате такого положения дел в странах континента наряду с земельной олигархией, контролировавшей природные богатства Южной Америки, крестьянством и промышленными рабочими сформировалась третья сила. Иначе говоря, развитие агроэкспортного комплекса привело к созданию обслуживающей его торгово-экспортной и финансовой системы, и на этой основе появилась крупная, преимущественно торгово-финансовая буржуазия. Таким образом, в странах Латинской Америки к началу XX в. существовало три основных социальных ответственных группы, чьи политические, экономические и социальные интересы не всегда совпадали.

Другой особенностью латиноамериканских государств стала специфика формирования латиноамериканских наций, заключающаяся в смешении индейского населения с европейскими колонизаторами и невольниками из Африки.

В результате латиноамериканское общество складывалось из разнородных расово-этнических элементов соответственно социально-экономической и территориально-государственной общности.

Взаимодействие разных традиций, культур, обычаев и психологических складов создало своеобразный этнокультурный сплав. В частности, одной из отличительных черт латиноамериканцев стала темпераментность и склонность к ярким и эмоциональным проявлениям. В то же время в ряде районов Латинской Америки (в частности, в Венесуэле) прочно укоренились элементы индейского традиционного общества общинного устройства. Специфика этого уклада состояла в неприятии ценностей и экономических устоев западного общества, которое благодаря оставшейся с колониальных времен узкой специализации и экспортной ориентации латиноамериканской экономики продолжало оказывать значительное влияние на социально-экономическую обстановку на южноамериканском континенте.

Между тем форма правового государства в странах Латинской Америки долгое время прививалась обществу господствующими олигархическими кланами, в результате чего основная часть населения оставалась вне политической жизни страны. В частности, в Аргентине к началу прошлого века насчитывалось около 8 млн жителей, но в регулярных выборах участвовало лишь 9% населения.

Еще более элитарным был режим в Бразилии. Согласно конституции 1891 г. в стране предусматривались основные атрибуты представительной демократии: избираемый населением президент республики, полномочия которого длились 4 года без права переизбрания на второй срок, Национальный конгресс, органы власти штатов, демократические свободы. И все же благодаря многочисленным ограничениям в голосовании в нем участвовали не более 3% населения [8. С. 18].

Все это не замедлило отразиться и в общественно-политической борьбе, носившей бурный характер в условиях «широкого спектра глубоких социальных и экономических противоречий, социальной нестабильности, наличия массы разоренного, обездоленного населения, то готового к бунтарству и революционным вспышкам, то впадающего в отчаяние и пассивность, либо устремляющегося за реформистскими или консервативно-реакционными деятелями» [8. С. 14].

Сами по себе революционные процессы в Латинской Америке сильно отличались от тех, которые в свое время наблюдались в европейских странах и Северной Америке. Причиной этому могут служить многочисленные региональные и этнические противоречия между элитой общества и остальными слоями населения. В ходе этого противоборства постоянно сталкивались и взаимодействовали интересы различных классов и слоев населения, политических партий, шли поиски решения острых политических и социальных проблем.

В каждой из латиноамериканских стран эти процессы протекали по-своему, однако практически всем государствам были свойственны резкие повороты и изменения в соотношении сил.

Результатом этой борьбы стала частая смена конституций, которые нередко меняли правовую картину государства от либерально ориентированной до ультраконсервативной и наоборот. В частности, Венесуэла до 1961 г. успела сменить 23 конституции, в числе которых были Основные законы 1936, 1947, 1961 и 1999 г. [9. Р. 15–19]. В Аргентине вследствие государственных переворотов 1930 и 1943 г. были отменены многие положения Конституции 1853 г., а в 1949 г. была принята так называемая «хустисиалистская» Конституция Аргентины, которая в 1957 г. была снова заменена на Основной закон 1853 г., действовавший до очередной реформы конституции 1994 г. В Боливии за период XX в. в разные периоды времени действовали пять Основных законов — 1880, 1945, 1961, 1963 г.

В Бразилии Конституция 1934 г. отменила Основной закон, принятый в 1891 г. На смену этой пришли конституции 1937, 1946 и 1988 г.

В Перу до 1920 г. действовала Конституция 1860 г. Затем была принята 10-я по счету Конституция Перу, которую в 1933 г. заменил новый Основной закон. В 1979 г. с одобрения перуанцев в силу вступила двенадцатая Конституция, действие которой было закончено с принятием в 1993 г. нового Основного закона [3. Т. 3].

В то же время одним из следствий постоянно меняющихся политических коалиций и интересов этих трех направлений стало образование так называемой многопартийной системы Латинской Америки. Такая ситуация сохранилась до сих пор и оказала серьезное влияние на конституционное право южноамериканского континента.

К примеру, до настоящего времени в Латинской Америке сохранилась практика «секундных» партий, создаваемых лишь накануне выборов, для того чтобы провести как можно большее число сторонников на различные выборные должности государственной власти или местного самоуправления. При этом поражение политической партии на выборах часто заканчивается ее простым уходом с политической арены.

Ряд исследователей отмечают, что политические партии большинства латиноамериканских стран не играют решающей роли в механизме осуществления государственной власти, что значительно отличает страны континента от развитых демократических государств и сближает их с развивающимися афроазиатскими государствами. «Принципиальным является закрепление в текстах ряда латиноамериканских конституций (Перу и др.) обязанности государства не отдавать предпочтение ни одной из политических партий и предоставлять им равные возможности при проведении избирательных кампаний в пользовании средствами массовой информации» [3. Т. 3].

Большинство конституций латиноамериканских государств вообще не включают в себя раздел о политических партиях, оставляя этот вопрос на ус-

мотрение представительского органа законодательной власти или президента [3. Т. 3].

Другой особенностью классовой борьбы в странах Латинской Америки стало более тщательное конституционное закрепление некоторых основополагающих конституционных принципов. «Тексты конституций стали конкретно и более гибко учитывать изменяющиеся социально-экономические условия, а также политическую обстановку в мире вообще и в Латинской Америке в частности» [3. С. 878].

Получили свое закрепление такие основополагающие конституционные принципы, как принцип суверенитета народа, верховенство конституции, равенство граждан перед судом и законом, выборность, периодическая сменяемость и ответственность высших должностных лиц, включая президента как главу государства, а также принцип разделения властей в его классической форме.

Эти конституционные принципы, включенные в тексты основных законов еще в начале XX в., по сей день составляют основу латиноамериканского конституционализма. При этом в ряде конституций латиноамериканских государств сохранились специальные разделы, закрепляющие основные права индейского населения.

Как правило, этому этническому меньшинству предоставляются широкие полномочия для внутреннего самоуправления и судопроизводства, в основу которого положены сохранившиеся обычаи и устои этих народов, за исключением тех, которые противоречат конституционным нормам. В частности, в качестве иллюстрации этой особенности можно привести ныне действующую конституцию Венесуэлы [11].

Еще одной особенностью латиноамериканских конституций стала функция социальной направленности, обусловленная все большим усилением позиций трудящихся масс.

В частности, один из основных конституционных принципов — принцип частной собственности — очень тесно связан с «социальной функцией собственности», в силу чего частная собственность в соответствии с конституционными нормами могла быть подвергнута ограничениям, включая экспроприацию ее в целях социального благосостояния. Эта норма присутствует во многих латиноамериканских Основных законах. Впервые она была закреплена в Конституции Мексики [17. Art. 27], где указывалось на право государства в общественных интересах наложить ограничения на частную собственность, а также закреплялась возможность экспроприации частной собственности по соображениям общественной пользы и при условии уплаты возмещения.

Возможно, именно указанные обстоятельства объясняют ту большую значимость, которую имеет для латиноамериканского конституционализма институт прав второго поколения. В частности, известный мексиканский исследователь Куаутемок Мануэль де Де Дейнхейм Барригете (Cuauhtémoc Manuel De Dienheim Barriguete) прямо указывает на то, что появление комплекса социаль-

ных прав призвано удовлетворить базовые потребности людей (в том числе право на труд, здравоохранение, жилье, образование и др.). По мнению латиноамериканского юриста, эти права «должны интересовать не только самых уязвимых членов общества, но и каждого человека» [12]. С этой позицией прямо согласуется точка зрения другого известного латиноамериканского правоведа Маркоса Каплана, называющего в числе основных черт демократического государства «приоритет общих интересов национального общества над интересами привилегированного меньшинства, а также партикуляристскими и корпоративными тенденциями иностранных правительств» [15].

Кроме того, стремление закрепить в основном законе целый ряд норм, которые выходят за рамки конституционных, привело к практике так называемых «развернутых конституций» в большинстве стран Латинской Америки [3. Т. 3].

В свою очередь, Конституция Боливарианской Республики Венесуэла (далее — КБРВ), по мнению венесуэльских правоведов, сумела во многом исправить некоторые недочеты и ошибки, допущенные создателями Конституции 1961 г. В историческом разрезе оба этих Основных закона символизировали смену вектора в дальнейшем развитии страны.

В то время как Конституция 1961 г. стала итогом конца диктатуры Переса Хименеса и возвращением Венесуэлы к демократическим формам правления, документ 1999 г. снова открыл возможности для широкого участия государства в экономике страны после их значительного сокращения в 1980-е гг. Руководствуясь стадийным подходом (разработанным Н.Н. Марчуком), указанные конституции Венесуэлы можно отнести к третьему и пятому этапу развития конституционного права государств Латинской Америки [5]. Согласно предложенной системе данные этапы характеризуются последовательным расширением (третий этап), затем сужением (четвертый этап) и, наконец, новым расширением (пятый этап) государственных полномочий в жизни латиноамериканских обществ.

В свою очередь, латиноамериканские государственные деятели среди несомненных плюсов Конституции 1999 г. отмечают именно ее этатизм. С их точки зрения позиция населения в отношении мер этатистского или неолиберального характера и ее связь с построением демократии является фундаментальной величиной для понимания той громадной важности, которую представляют собой социально-экономические факторы в венесуэльском обществе. По мнению большинства государствоведов, следует рассматривать этатистские предложения как более предпочтительные по сравнению с неолиберальными [19].

Именно поэтому работающий в Венесуэле профессор Урте Посас справедливо указывает, что «оценки нового текста (конституции) были разные, но в подавляющем большинстве все соглашались с тем, что он представлял собой значительный шаг вперед по сравнению с Конституцией 1961 г.» [19].

С этой позицией согласен и другой венесуэльский правовед Пердомо, добавляющий, что Конституция 1999 г. и вызванные ею политические перемены представляются ориентированными на ослабление роли политических партий и по-

строение всей системы на основе фигуры президента республики. В этом смысле они в большей степени соответствуют традициям латиноамериканского политического персонализма или царской демократии (*democracia cesarista*) [19].

В качестве главной особенности нового Основного Закона Венесуэлы исследователи выделяют ее ярко выраженную социальную направленность, которая является одной из определяющих черт концепции новой «широкой демократии» (*democracia participative*), используемой в республике. Данную концепцию можно рассматривать в двух плоскостях. В области непосредственно государственного устройства и структуре органов власти принцип «широкой демократии» отразился делением национальной власти не только на традиционные законодательную, исполнительную и судебную ветви, но добавил к ним также так называемые «гражданскую» и «избирательную» ветви власти, формируемые через государственные органы и органы непосредственно гражданского общества.

С другой стороны, принцип «широкой демократии» нашел свое отражение в расширенной линейке прав человека с особым упором на социальные и экономические права.

По мнению Р. Магальянеса, комплекс гарантий и защиты этих прав устанавливает совокупность норм, которые продолжают развивать принцип равенства в Боливарианской Республике Венесуэла в наиболее широких терминах.

В КБРВ содержатся широкие определения и универсальная сфера охвата прав человека, при этом остается возможность для будущего автоматического включения новых, более благоприятных по содержанию формулировок, в целях оказания поддержки наиболее уязвимым слоям населения и перманентного улучшения их общественного положения [16].

В частности, исследователи склонны выделять ст. 19 Конституции, которая касается неотъемлемости прав, содержащихся в Основном законе.

Статья 20 предписывает совместимость индивидуальных свобод с публичным и социальным порядком. Пункт 2 ст. 21 закрепляет равенство перед законом и также предусматривает защиту наиболее уязвленных слоев населения. Статьи 22 и 23 устанавливают прогрессивный характер этих прав, их обязательность даже в отсутствие специального закона, что является прогрессивным шагом, с учетом институционализации предыдущих правительств, которые часто обращаются к этой мере, чтобы не признавать права, закрепленные в предыдущих конституциях. Наконец, ст. 26 и 27 устанавливают равенство в доступе к правосудию и защите прав [16].

Широкая манера, в которой воспринимается равенство граждан в КБРВ, базируется на обширном списке прав, включающем продвижение всеобщего участия в согласовании политических решений (*tit 3, capitulo 4*), а также признание прав отдельных групп и слоев населения, чьи интересы исторически игнорировались, в том числе и в формальной области, среди которых можно выделить молодежь, престарелых, работников, коллективный сектор экономики, и особенно — женщин, индейцев, а также экологические права будущих поколений. Экономические, социальные, культурные и права на социальное обеспече-

ние даются в очень широких определениях с очень небольшими исключениями в сравнении с предыдущими текстами конституций Латинской Америки и с очевидным стремлением наделить правами каждого жителя страны [16].

При этом, по мнению латиноамериканских авторов, несмотря на то, что равенство достигается через очень широкие формулировки, эта концепция сосуществует с трудностями и особенностями социальных форм жизни и организации отдельных закрытых групп внутри общества, которые в силу своей принадлежности к социально уязвимым слоям являлись жертвами наибольшего налогообложения во всем общественном устройстве.

Примером этой концепции равенства является содержание раздела VIII КБРВ, посвященного признанию и защите существования и самобытности индейских народов и сообществ, их социальной, политической и экономической организации, культуры, обычаев и традиций, языка, религии, образа жизни и т.д. Например, выделяют защиту прав на интеллектуальную собственность индейских сообществ, запрещая регистрацию патентов на их ресурсы и знания (ст. 124), а также специальный статус, который предоставляется политическим правам индейцев и их представительству в Национальной Ассамблее, в соответствии с которым создается защищенная сфера для представительства и политического участия этих социальных групп в жизни венесуэльского общества [16].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреева Г.Н. Конституционное право зарубежных стран. — М., 2005.
- [2] Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. — М., 2007.
- [3] Конституции государств Южной Америки. — Т. 3. — М., 2006.
- [4] Конституционное право зарубежных стран / Под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. — М., 2005.
- [5] Марчук Н.Н. Стадийный подход к изучению латиноамериканского конституционализма: проблемы и перспективы: Статья // Право и жизнь. — 2008. — № 126 (9). — С. 16–22.
- [6] Орлов А.Г. Высшие органы государственной власти стран Латинской Америки. — М., 2001.
- [7] Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Отв. ред. А.Я. Сухарев. — М.: НОРМА, 2003.
- [8] Строгонов А.И. История Латинской Америки XX века: Учеб. пособие. — М., 2001.
- [9] Brewer-Carnas A.R. Venezuela // International Encyclopedia of Comparative Law. — Vol. 1. — 1978.
- [10] Colombia. Constitución política de 1991 // Biblioteca Virtual «Miguel de Cervantes». Constituciones Hispanoamericanas. URL: <http://bib.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01361686468917724422802/index.htm>.
- [11] Constitución de la República Bolivariana de Venezuela de 1999 // Biblioteca Virtual «Miguel de Cervantes». Constituciones Hispanoamericanas. URL: http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/00250739011147184197857/p0000001.htm#I_1.
- [12] Cuauhtémoc Manuel De Dienheim Barriguete. El Constitucionalismo como vía para alcanzar la justicia social en el estado contemporáneo. URL: http://www.porticolegal.com/pa_articulo.php?ref=283.

- [13] Cuba. Constitución de 1901 // Biblioteca Virtual «Miguel de Cervantes». Constituciones Hispanoamericanas. URL: http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/45703951980357439554457/p0000001.htm#I_1.
- [14] Ecuador. Constitución política de 1998 // Biblioteca Virtual «Miguel de Cervantes». Con constituciones Hispanoamericanas. URL: http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01350574280128502643680/p0000001.htm#I_1.
- [15] *Kaplán M.* Hacia un nuevo constitucionalismo democrático en América Latina: problemas y perspectivas. Ponencia presentada al II Congreso Iberoamericano de Derecho Constitucional, Instituto de Investigaciones Jurídicas, UNAM, México, 8–11 de julio de 1980. URL: http://www.cepc.es/rap/Publicaciones/Revistas/3/REPNE_016_091.pdf.
- [16] Magallanes R. La igualdad en la República Bolivariana de Venezuela (1999-2004). Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales, mayo-agosto, año\vol. 11, número 002. URL: <http://redalyc.uaemex.mx/redalyc/pdf/177/17711210.pdf>.
- [17] México. Constitución de 1917 con reformas de 2001 // Biblioteca Virtual «Miguel de Cervantes». Con constituciones Hispanoamericanas. URL: http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01160438620134839543091/p0000001.htm#I_1.
- [18] *Perdomo R.P.* Venezuela 1958–1999: el derecho en una democracia renqueante. URL: <http://www.bibliojuridica.org/libros/3/1078/14.pdf>.
- [19] *Uharte Pozas L.M.* Venezuela: del ajuste neoliberal a la promensa de socialism de siglo XXI. URL: <http://www.historia-actual.com/HAO/Volumes/Volume1/Issue16/eng/v1i16c12.pdf>.

FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT IN LATIN AMERICA AT THE PRESENT STAGE

N.N. Marchuk, A.S. Nikonov

The Department of Judiciary, Law Enforcement and Human Rights activities
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article reveals the specifics of the formation of a number of key constitutional and legal institutions in Latin America, and especially the «social gradient» in the constitutional lawmaking in the region.

Key words: etatism, neoliberalism, economic and social rights.